

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2022. Том 26, № 2
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья
УДК 81'44; 811.221.18
ББК 81.2-2
DOI 10.18522/1995-0640-2022-2-81-94

**ОСОБЕННОСТИ АСПЕКТУАЛЬНО-ТЕМПОРАЛЬНОГО
ПОТЕНЦИАЛА ОСЕТИНСКИХ ГЛАГОЛОВ НАСТОЯЩЕГО
ВРЕМЕНИ В СОПОСТАВЛЕНИИ
С ИХ ВИДО-ВРЕМЕННЫМИ РУССКИМИ
ЭКВИВАЛЕНТАМИ**

Алина Афакоевна Левитская

Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания,
Владикавказ, Россия

Аннотация. Значения типичности, обычности действия предстают в осетинских глаголах настоящего времени как комбинация потенциалов наст. неактуального и несов. вида, а в русском они выражаются и формами НСВ в прош. вр. Выразитель этих значений – глагол с приставкой фæ-, в русском же – контекст или детерминанты соответствующей семантики. Политемпоральность действий с акциональными оттенками хабитуальности и узуальности обозначается в осетинском граммемой категории кратности, а в русских эквивалентах – контекстом, лексически, синтаксически. Выявленные расхождения интересны как отражение универсального и специфического в языковых картинах мира.

Ключевые слова: *аспектуальность, акциональность, хабитуальность, узуальность, настоящее время, языковая картина мира*

Для цитирования: *Левитская А.А.* Особенности аспектуально-темпорального потенциала осетинских глаголов настоящего времени в сопоставлении с их видо-временными русскими эквивалентами // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2022. № 2. С. 81 – 94.

Original article

**FEATURES OF THE ASPECTUALLY-TEMPORAL
POTENTIAL OF THE OSSETIAN VERBS OF PRESENT
TENSE IN COMPARISON WITH THEIR
ASPECT-TEMPORARY RUSSIAN EQUIVALENTS**

Alina A. Levitskaya

Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania,
Vladikavkaz, Russia

Abstract. The meanings of typicality, ordinaryness of action appear in the Ossetian verbs of the present tense as a combination of the potentials of the present irrelevant and imperfect form, and in Russian they are expressed by the forms of the imperfect form in the past tense too. The expresser of these meanings is the verb

with the prefix *фæ-*, in Russian - the context or determinants of the corresponding semantics. Polytemporality of actions with actional shades of habituality and usality is indicated in the Ossetian grammatical category of multiplicity, and in Russian equivalents – by context, lexically, syntactically. The revealed discrepancies are interesting as a reflection of the universal and specific in the linguistic pictures of the world.

Keywords: *aspectuality, actionality, habituality, usuality, present, linguistic picture of the world*

For citation: *Levitskaya A.A. Features of the Aspectually-temporal Potential of the Ossetian Verbs of Present Time in Comparison with their Aspect-temporary Russian Equivalents // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2022. № 2. P. 81 – 94.*

Введение

В формировании аспектуально-акциональной семантики осетинского высказывания наряду с потенциалами частновидовых значений граммем НСВ/СВ и граммем политемпоральной кратности [Цалиева (Левитская), 1983, с. 59 – 62, 119 – 123] огромная роль принадлежит, как и в русском языке, лексическим, синтаксическим средствам и взаимодействию видовых значений с временным категориальным значением. Предметом нашего исследования является сопоставление функционирования осетинских и русских глаголов в настоящем времени, которое играет важную роль в аспектуальных системах данных языков. Актуальность исследования очевидна: подобный анализ с привлечением материала современного осетинского языка (текст романа А.А. Фадеева «Молодая гвардия» на осетинском языке в переводе выдающегося переводчика С.А. Бритаева; словари современного осетинского языка) – одного из самых архаичных индоевропейских языков – проводится впервые, его результаты, несомненно, интересны для аспектологов-индоевропейцев, поскольку обнаруживают как черты универсальных сходств, так и уникальные расхождения в языковой (русской и осетинской) интерпретации одних и тех же явлений действительности. Основные теоретические положения, на которые опирается автор, учитывают принципиальные точки зрения представителей как ленинградской, так и московской аспектологических школ (Ю.С. Маслова, А.В. Бондарко, А.А. Зализняк, А.Д. Шмелева, В.С. Храковского и др.). Что касается осетинской аспектологии, то автор в исследовании фактически идет по «целине», поэтому в статье приводится только имеющее отношение к теме мнение В.И. Абаева. В работе над материалом использованы метод сплошной выборки, описательный, сопоставительный, сравнительно-исторический, метод типологического анализа, метод компонентного анализа.

Цели и задачи

Цель данной статьи – сопоставительное исследование сходств и различий аспектуально-темпорального характера, а также особенностей их выражения средствами осетинского и русского языков при обозначении повторяющихся, обычных, типичных действий, представлен-

ных в широком плане настоящего времени вне связи с моментом речи. Для выявления различных интерпретаций одной и той же внеязыковой ситуации, отражающих универсальное и специфическое в языковых картинах мира даже родственных языков, необходимо было решить следующие задачи:

- сопоставить осетинские и русские варианты описания одних и тех же ситуаций, обозначающих действия в настоящем неактуальном абстрактном времени;
- выявить совокупность языковых средств, участвующих в выражении всех аспектуально-темпоральных оттенков значения настоящего неактуального абстрактного в его разновидностях в каждом из языков;
- определить особенности обозначения этих аспектуально-темпоральных потенциалов в каждом из языков;
- выделить сходства и различия (универсальное и идиоэтническое) и в содержательных потенциалах сопоставляемых языков, и в особенностях использования языковых средств разных уровней при интерпретации одной и той же внеязыковой ситуации;
- дать трактовку выявленным расхождениям с позиции функциональной грамматики.

Исследование и результаты

И в русском, и в осетинском настоящее время принадлежит несовершенному виду: в русском языке «связь вида и времени обусловлена тем обстоятельством, что сов. вид... не имеет настоящего времени... оно безраздельно принадлежит несов. виду» [Зализняк, Шмелев, 2000, с. 27]. В осетинском языке «настоящему времени по существу чуждо понятие совершенности» [Абаев, 1962, с. 570]. Принимая во внимание этот неоспоримый факт, обратимся к анализу функционирования осетинских и русских видо-временных форм в настоящем неактуальном абстрактном, выражающем «повторяющееся, обычное, типичное действие, представленное в широком плане настоящего времени, не связанного с моментом речи» [Бондарко, 1980, с. 631] на конкретном примере:

«...Твоему взору открывается целый мир немислимых... подвигов. Люди *проплывают* двадцать тысяч лье под водой, *открывают* новые земли; они *попадают* на необитаемые острова и все *создают* себе заново собственными руками; они *взбираются* на высочайшие вершины мира; люди *попадают* даже на Луну; они *борются* со страшными штормами в океанах, *карабкась* на раскачиваемые ветром мачты по марсам и салингам; на своих кораблях они *проскальзывают* над острыми рифами;... люди *переплывают* океан на плоту,...они *переносят* самумы в пустыне, *сражаются* с удавами, ягуарами, крокодилами, львами, слонами и *побеждают* их.» (124) // «...Дæ хъуыдыты размæ байгом ис... бауырнинаг чи нæ у, ахæм сгуйхтдзинадты æнæхъæн дуне. Адæм доны бынты *аленк кæныны* дыууын мин лъейы, *рабæрæг кæныны* ног зæххытæ; уыдон *бафтыны* æдзæрæг сакъадæхтæм æмæ сæхи къухтæй сæхицæн ногæй *скæныны* алцыппæт дæр, уыдон *сбырыны* дунейы тæккæ бæрзонддæр хæхты

цъуппытæм; адæм *бахуыныц* суанг мæймæ дæр; уыдон океантыл *тох кæныныц* тынг стыр штормтимæ, марстыл æмæ салингтыл *хилыныц*, дымгæ кæй уигъы, уыцы мачтæтæм, сæ наутыл уыдон *фæвæйыныц* цыргъ рифты *фале*... адæм *ахизыныц* океантыл,...уыдон æдзæрæг быдырты *бавзарыныц* самумтæ, *хæцыныц* æлхъываг кæлмытимæ, ягуартимæ, кæфхъуындартимæ, домбæйттимæ, пылтимæ æмæ сæ *басæттыныц*.» (157).

Русская версия анализируемого высказывания – пример функционирования русских глаголов в настоящем неактуальном абстрактном (изобразительном), когда к плану настоящего времени относится не то или иное конкретное действие, а неопределенный ряд его повторений. Действия как бы предстают перед взором героя, рисуемые его воображением картины выходят «за пределы “непосредственного видения”, восприятия и, как художественное обобщение, приобретают независимость от момента речи, освобождаются от прикрепленности к этому моменту...» [Бондарко, 1980, с. 631].

Данная характеристика в полной мере относится к аспектуально-темпоральному содержанию и осетинской версии. Заметим, что эти значения настоящего неактуального абстрактного (изобразительного) и неограниченно-кратного типа употребления НСВ имеют не только приставочные формы (*аленк кæныныц/проплываюу, рабæрæг кæныныц/открываюу; бафтыныц/попадаюу; скæныныц/создаюу; сбырыныц/взбираюуся; бахуыныц/попадаюу, фæвæйыныц фале/проскальзывают, ахизыныц/переплываюу; бавзарыныц/переносят, басæттыныц/побеждаюу*), но и бесприставочные (*тох кæныныц/борюуся; хилыныц/карабкаюуся; хæцыныц/сражаюуся*). Стало быть, значение повторности, неоднократности, типичности выражается в подобного типа употреблениях не «превербными формами настоящего времени», как утверждал В.И. Абаев [Абаев, 1962, с. 570], а всей совокупностью грамматических смыслов единой видо-временной формы осетинского глагола настоящего времени НСВ, в данном случае – комбинацией значения настоящего абстрактного (изобразительного) и неограниченно-кратного типа употребления НСВ. Примечательно, что в форме «*фæвæйыныц фале/проскальзывают*» (букв.: «*оказываются позади*») приставка *фæ-*, присоединяясь к глаголу «*вæйы/быват*» со значением многократности, указывает на односторонний характер действия, фактически дублируя значение кратности действия, выраженное лексически¹, хотя в другой функциональной разновидности настоящего абстрактного – абстрактном комментирующем глаголы с *фæ-* более употребительны, чем глаголы с другими приставками.

Например: 1) «Уæлæ “мессертæ” *фæтæхыныц*» (15) // «Вон “мессерта” *пошли*» (13); 2) «Æвæцæгæн Каменскмæ *фæтæхыныц*, доны ахизæныл бомбæтæ æрæппарыны тыххæй...» (12) // «Должно быть, на Каменск *полетели*, переправу бомбить...» (11) и др.

В осетинской версии «*фæтæхыныц/летят*» – настоящее неактуальное абстрактное комментирующее. В русских версиях употреблены формы «*пошли*», «*полетели*» в перфектной разновидности конкретно-

фактического типа употребления СВ, которая возможна при передаче не только единичных, но и повторяющихся ситуаций «при функционировании форм прошедшего времени глаголов совершенного вида в контексте настоящего времени повторяющегося действия» [Бондарко, 1980, с.607], что фактически объясняет выбор переводчиком именно данной видо-временной формы в осетинских версиях.

Настоящее описательное и настоящее комментирующее – это, как известно, периферийные типы настоящего неактуального абстрактного, в то время как настоящее неактуальное абстрактное, выражающее повторяющееся обычное действие, представленное в широком плане настоящего времени, не связанного с моментом речи, является в современном русском языке одним из основных типов употребления настоящего неактуального времени, не указывающего на протекание действия в момент речи. Как правило, в осетинском варианте русским глаголам в данном типе употребления настоящего неактуального соответствуют приставочные глаголы с *фæ-*. Например: «Но, когда в ротах по семь-восемь человек в строю, и всех *знаешь* по именам, тогда каждого как родного, *отрываешь* от сердца...» (313) // «Фæлæ ротæты авдæй-астæй лæгты йеттæмæ къахыллæууæг куы нал вæййы, сеппæтæн ма сæ номтæ дæр куы *фæзоньыс*, уæд сæ алкъæцыйы дæр дæ зæрдæйæ *фæтоньыс*, æфсымæры куыд тонай, афтæ...» (393) и др.

Как показывают наблюдения над употреблением осетинских глаголов с приставкой *фæ-* в настоящем времени в качестве эквивалентов русских глаголов, выступающих в настоящем неактуальном абстрактном, эти приставочные формы употребляются значительно чаще, чем глаголы с другими приставками. На наш взгляд, это объясняется, с одной стороны, тем, что приставка *фæ-* в отличие от других осетинских примеров свободна от конкретной локальной семантики, и это обстоятельство позволяет приставочному глаголу с *фæ-* обозначать действия с любыми пространственно-ориентационными характеристиками [Бенвенист, 1965, с. 109] и, тем самым, обеспечивать ее неограниченную словообразовательную валентность, а, с другой стороны, в сознании носителей осетинского языка именно с этой приставкой ассоциируется значение кратного характера действия² и в других временах. В рамках исследования способности приставочных образований с *фæ-* участвовать в обозначении различных акциональных оттенков в протекании многократного монотемпорального действия ранее нами были выявлены значения пантивной суммарности действия при употреблении глаголов с *фæ-* в формах инфинитива, прошедшего и будущего времени как функционально-переводных эквивалентов русских глаголов дистрибутивно-суммарного СД, кумулятивного СД, тотального СД, чрезмерно-кратного СД [Левитская, 2021б]. Кроме того, нами установлено, что глаголы с приставкой *фæ-* выступают смысловыми и аспектуально-акциональными эквивалентами употреблений русских глаголов в форме прошедшего времени в значении суммарной разновидности конкрет-

но-фактического типа употребления СВ и перфектной разновидности обобщенно-фактического типа употребления НСВ [Левитская, 2021в].

Есть еще один акциональный оттенок у осетинских глаголов с приставкой *фæ-* в настоящем времени: «Прeverб *фæ-* в настоящем времени выражает обычность действия (“пермансив”), что не вполне совпадает с многократностью, выражаемой в настоящем времени другими превербами: *бирæ цыдæртæ мæгуыры фæфæнды/много чего хочется (обычно) бедняку; афтæ фæзæгъы йæхицæн/так он говорит (обычно) себе; фæкæсын а-бе-тæ/я читаю (обычно) азбуку; æз дæ зарынмæ куы хъусын, уæд хъæдзæгдæрæй фæкусын/когда я слушаю твою песню, я работаю (обычно) веселее» [Абаев, 1962, с. 596]. Подобное значение – иметь обыкновение что-то делать – принято называть в русской аспектологии *хабитуальным/узуальным* [Храковский, 2014, с. 3]. По мнению некоторых исследователей, оно включается в потенциал русской многократности «при расширенном её понимании, его имеют все категории глаголов, семантика которых совместима со значением повторяемости» [Зализняк; Шмелев, 2000, с. 25].*

Из 2176 употреблений во всех временах и наклонениях глаголов с *фæ-*, выбранных нами из художественного текста, объемом в 839 страниц (41,59 учетно-издательских листов), 143 – приставочные глаголы с *фæ-* в настоящем времени, из них 100 – это употребления в значении «обычности/типичности/узуальности/иметь обыкновение что-то делать». Например:

1) «Заргæ та кодтой, хуымæтæг расыг куыд *фæзарыны*, афтæ нæ, фæлæ расыг немцы куыд *фæзарыны*, афтæ: сеппæт дæр бынтон иухуызон ныллæг хъæлæсæй...» (214) // «Пели её, как *поют* не просто пьяные люди, а как *поют* пьяные немцы: совершенно одинаковыми низкими голосами...» (169);

2) «...Афтæ сфæнд кодта, зæгъгæ, цурк цуркæй *фептарыны*.»³(192) // «А, может быть, считала, что клин клином *вышибают*.» (152);

3) «“Хихсæн нæм нæй, мах кæрты *фехсæм* нæхи, къусæй кæрæдзийæн дон кæлгæйæ”, – загъта Люся.» (208) // «“У нас нет умывальника, мы *покупаем* друг другу из кружки во дворе”, – сказала Люся.» (164) и др.

Доказательством того, что значение «иметь обыкновение что-то делать», свойственное приставочным глаголам с *фæ-* в настоящем времени, принадлежит именно виду-временной форме глагола НСВ в настоящем неактуальном абстрактном и не является чисто видовым значением, служит тот факт, что осетинские формы с *фæ-* в данном значении употребляются только в настоящем времени, в то время как в современном русском языке значение обычности/узуальности не чуждо и употреблениям глаголов в прошедшем времени⁴: 1) «*В девять часов утра она уходила в школу, являлась домой к трём, от пяти до семи гуляла с ребенком и книгой в саду, в семь снова уходила заниматься с любителями хорового пения; возвращалась поздно.*» (М. Горький. Жизнь Клима Самгина)⁵; 2) «*Таня своих домашних навещала не часто. Приходила она обыкновенно под вечер.*» (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого)⁶. В будущем времени употре-

блений осетинских глаголов в значении типичной (обычной) узуальной повторяемости не наблюдаем, как и в русском языке, поскольку такая разновидность повторяемости «предстает как закономерность, познанная из практики, из личного опыта, а практика, личный опыт и план будущего не сопрягаются друг с другом» [Грекова, 1979, с.47].

Анализ употребления приставочных образований с *фæ*- в настоящем неактуальном абстрактном при обозначении устоявшихся поведенческих норм, правил, отношений, закономерностей – словом, таких обобщений практического опыта, которые фиксируются в сознании носителей языка как типичные, обычные и отражаются в соответствующих языковых формах, убеждает в том, что следует различать акциональные оттенки хабитуальности и узуальности как разные варианты значения «иметь обыкновение что-то делать». При сравнении особенностей обозначения данных акциональных оттенков в сравниваемых языках замечаем следующее. В русском языке идея узуальности в узком смысле слова в примерах типа «Утром он открывает форточку; По субботам он моется в бане; После обеда они пьют апельсиновый ликер...» не входит в лексическое значение глагола, а выражается обязательно предшествующими в предложении временными детерминантами (через которые это значение и идентифицируется)» [Зализняк, Шмелев, 2000, с. 24].

В осетинских функционально-переводных эквивалентах русских примеров подобного типа главными носителями значения узуальности выступают приставочные глаголы с *фæ*- в форме настоящего неактуального абстрактного: *фегом кæны/открывает (обычно)*; *фæнуазыныц /пьют (обычно)*; *йæхи фехсны/моется (обычно)*, а временные детерминанты *райсомæй/утром*; *алы сабаты/по субботам*; *фæссихор/ после обеда* лишь дополнительно подчеркивают значение узуальности. Что касается значения хабитуальности действия, то нельзя не заметить, что и в русском, и в осетинском языках в высказываниях с такой акциональной семантикой (см. примеры выше) отсутствуют временные детерминанты со значением узитативности или другие итеративные обстоятельства, которые служат «стандартным маркером повторительного значения» [Храковский, 2014, с. 10]. В такого рода высказывания на русском языке можно легко, никак не нарушая смысла, ввести обстоятельства «обычно», «обыкновенно», но их присутствие не является обязательным. Например: «У нас нет умывальника, мы **обычно** (вставка наша. – А.Л.) поливаем друг другу из кружки во дворе», – сказала Люся.» (164) и др. В осетинском же языке наблюдаем ситуацию отсутствия точного эквивалента русским «обычно», «обыкновенно», что, на наш взгляд, свидетельствует об отсутствии потребности в лексеме с такой семантикой⁷, потому что есть приставочные формы с *фæ*-, которые это значение выражают. Изложенные наблюдения позволяют разграничить значения хабитуальности и узуальности как разные акциональные оттенки значения «иметь обыкновение что-то делать». Кроме того, если для русского языка вполне приемлема точка зрения о том, что в подобного рода употреблениях повторительное значение «не выражается граммемой НСВ,

а наводится соответствующим контекстом» [Храковский, 2014, с. 10], то для осетинского языка эта точка зрения не приемлема: значение хаби-туальности выражается, в первую очередь, глаголом НСВ с приставкой *фæ-* в форме настоящего неактуального абстрактного, а затем уже может дополняться другими средствами – обстоятельствами соответствующей семантики, особенностями синтаксической структуры, наводится контекстом.

Близким и зачастую трудно дифференцируемым от узуального значения русского НСВ А.А. Зализняк и А.Д. Шмелев называют потенциальное – «значение умения, способности что-то делать» [Зализняк, Шмелев, 2000, с. 24-25]. Отметим, что и этому значению русских НСВ в настоящем времени соответствуют осетинские глаголы с приставкой *фæ-*, например: «*Но кое-что осталось, мы с Вами посмотрим*», – *говорила она, так правильно и чисто выговаривая фразу, как может выговаривать только хорошая русская учительница...*» (452) // «*Фæлæ ма дзы цыдæртæ аззад, æз æмæ ды сæм æркæсдзыстæм*», – *дзырдта ус, фразæтæ æрмæст хорз уырыссаг ахуыргæнæг куыд раст æмæ сыгъдæг фæдзуры, афтæ дзургæйæ.*» (577) и др.

Особый интерес представляют, на наш взгляд, примеры употреблений приставочных образований с *фæ-* в значении типичности, обычности в высказываниях с политемпоральным характером протекания вторяющихся действий. Например:

«Уыдон *бауарзтой* æнæхуыссæг æхсæвтæ дæр, агъуысты сæр-иу чызджы хъарм къух, бынтон æнæфезмæлгæйæ, сахат дæр, дыууæ дæр, æртæ дæр, лæппуйы дæрзæг къухы куы *лæууыди*, уæд. Бауарзтой, сæуæхсид-иу фæлурс къуыппыты сæрмæ куы *сæрттывтæ*, æртæх та-иу тæмæнтæ куы *калдта* хæдзæртты розæ-фæныкхуыз уæлхæдзæрттыл... æмæ уый акъациты фæззыгон бурбын сыфтæртæй æрмæст зæхмæ куы *фæхауы* æртæхгай, æмæ уымæл зæххы хус дидинаджы æмбийгæ уидæгтæ куы *фæтæф кæныны*, стæй дард кæмдæрты сыгъдтыты фæздæджы тæф дæр йæмæ куы схæццæ ваййы, уый уасæг та, цыма æппындæр ницы æрцыд, уыйау куы *фæуасы...*» (15–16) // «Они *полюбили* долгие бессонные ночи на крыше, когда горячая ладонь девушки, не шелохнувшись, и час, и два, и три *покоится* (в осет.: *покоилась неоднократно*) в шершавой руке юноши, и утренняя заря *занимается* (в осет.: *занималась неоднократно*) над бледными холмами, и роса *блестит* (в осет.: *заблестела неоднократно*) на серовато-розовых крышах... и *каплет* со свернувшихся осенних листочков акаций прямо на землю в палисаднике, и *пахнет* загнившими в сырой земле корнями отвянувших цветов и дымом дальних пожарищ, и петух *кричит* так, будто ничего не случилось...» (13).

В русской версии высказывание представляет собой кратно-относительную конструкцию (КСК) [Кюльмоя, 1985] – сложное синтаксическое целое, включающее в себя и подчинительные отношения с придаточными предложениями времени, и сочинительные присоединительные отношения. КСК обозначает относительно самостоятельные взаимообусловленные ситуации с политемпоральным характером дей-

ствий в каждой из ситуаций кроме первой. Шесть предикатов кроме первого представлены глаголами НСВ в форме настоящего неактуального абстрактного (изобразительного): «*покоится, занимается, блестит, каплет, пахнет, кричит*», которые обозначают действия как повторяющиеся, типичные, не связанные с моментом речи. Первый предикат («*полюбили*») – глагол СВ в прошедшем времени, в конкретно-фактическом употреблении, но это особая разновидность его употребления: с одной стороны, этим глаголом задается общий временной план – речь идет о событиях в прошлом, а, с другой стороны, форма прош. вр. глагола СВ используется в контексте настоящего неактуального абстрактного «для наглядной конкретизации обычного действия... Контекст указывает на то, что такие факты обычны, причем их обычность отнесена к широкому плану настоящего...» [Бондарко, 1980, с. 633], когда «форма настоящего времени обозначает множество действий, относимых одновременно и к плану прошедшего, и к плану будущего, но не к моменту речи...» [Храковский, 2017, с. 146]. В осетинской версии КСК, парцелированной для усиления акцента на значении дважды употребленного глагола «*полюбили/бауарзтой*», воспроизводятся все аспектуально-темпоральные смыслы видо-временной формы русского глагола «*полюбили*», а вот в качестве функциональных соответствий русских глаголов в настоящем неактуальном абстрактном (изобразительном) использованы граммы со значением политемпоральной кратности, выражающие такие комбинации смыслов [Левитская, 2021а, с. 54–63], которые невозможны в русском: «*лæуду-иу/(ладонь) покоилась неоднократно* (речь идет «о долгих бессонных ночах». – А.Л.); «*сæрттывтæ-иу/(заря) занялась неоднократно* («каждое утро после бессонных ночей». – А.Л.); «*тæмæнтæ калдта-иу/(роса) блестела неоднократно* («по утрам...». – А.Л.).

При этом трем русским предикатам в настоящем неактуальном абстрактном (изобразительном) «*каплет*», «*пахнет*», «*кричит*» соответствуют осетинские глаголы с приставкой *фæ-* в настоящем времени (неактуальном абстрактном изобразительном!), но с подчеркнутым значением типичности, обычности повторяющихся действий: «*фæхауы/каплет* (обычно)»; «*фæтæф кæны/пахнет* (обычно)»; «*фæуасы/кричит* (обычно)». Эти предикаты остаются вне вовлечения в сферу грамматических значений категорий политемпоральной кратности. В сравнении с предикатами этого же высказывания в политемпоральном употреблении очевидна следующая разница: при выражении значения повторяемости действий с помощью граммем политемпоральной кратности смысловой акцент сделан именно на значении неоднократного повтора действий в прошлом в разные временные промежутки, а при обозначении действий глаголами настоящего времени с приставкой *фæ-* смысловой акцент сделан на обычности, типичности этих действий, повторяемость которых носит характер неопределенной временной отнесенности, поэтому нет маркеров политемпоральной кратности – конструкций с *-иу*. В тех случаях, когда подчеркивается, что обычные, типичные действия повторяются в определенные (!) разные временные промежутки, на-

блюдаем использование глаголов, называющих эти действия, в грамматической форме со значением политемпоральной кратности действия. Например:

«И никто уже *не содрогался* сердцем, когда воздух *сотрясался* от дальней бомбежки и лучи прожекторов, как спицы, *скрещивались* вдаль, в ночном небе над Ворошиловградом, и зарево пожаров *вставали* то там, то здесь по горизонту или когда вражеские пикировщики среди бела дня *обрушивали* фугаски на тянувшиеся далеко в степи колонны грузовиков, а потом с воем *били* из пушек и пулеметов вдоль по шоссе, от которого в обе стороны, как распоротая глоссером вода, *разбегались* бойцы и кони.» (13) // «Сæ зæрдæ *нал кæрзыдта*, уæлдæф-*у* куы сæнкъуыст, æмæ-*у* прожекторты рухсы тынтæ дард кæмдæр кæрæдзийыл куы сæмбæлдысты, Ворошиловграды сæрмæ, сау-сауид арвы, æмæ знаджы пикегæнæг хæдтæхæджытæ-*у* бон сихорафон, арвы астауæй æвишайдæ расыффытт кæнгæйæ, ниугæйæ, фугас-бомбæтæ куы æрызгъæлдтой уæзласæн машинæты даргъ чырæтыл, тыгъд быдырты, æмæ-*у* уый фæстæ сосæ фæндаджы алы рæттæй сармадзантаæ æмæ пулеметтæ дзæвгар рæстæджы дæргъы сæ æхсын куы нæ урæдтой, сосæ фæдагæй-*у* фæйнæрдæм, глоссер дон куыд фæлыг кæны æмæ дон фæйнæрдæм куыд фæлидзы, афтæ-*у* æфсæддонтæ æмæ бæхтæ куы згъордтой, уæддæр.» (15).

В данном высказывании (в обеих его версиях) общий аспектуально-временной план совпадает – политемпоральность действий в прошедшем времени: используются грамматические формы глаголов прошедшего времени в значении политемпоральной кратности (в русском варианте – итеративы, в осетинском – граммы политемпоральной кратности), структуры КСК с придаточными времени, характерные при обозначении политемпоральной кратности [Храковский, 2017, с. 149 – 150], лексические показатели итеративности («*то там, то здесь/æм кæнæ уым*»). Совпадение аспектуально-темпоральных смыслов наблюдаем и в случае, когда первому русскому предикату «*не содрогался*» соответствует осетинский глагол НСВ в обобщенно-фактическом типе употребления «*нал кæрзыдта*», т. е. внимание сосредоточивается на самом факте действия, важно, что оно было, безотносительно к особенностям характера его протекания. На наш взгляд, аспектуальные смыслы русского итератива в контексте «*никто уже не содрогался...*» тоже следует оценивать не как политемпоральную неоднократность, а как негативную разновидность обобщенно-фактического употребления НСВ, «способствующую эмоционально-экспрессивному усилению отрицания» [Бондарко, 1980, с. 611], поэтому и в осетинской версии у его функционально-переводного эквивалента нет значения политемпоральной кратности. С точки зрения особенностей передачи аспектуально-акциональных смыслов интересно сопоставление следующих частей этого высказывания: «*...пикировщики били...вдоль по шоссе, от которого в обе стороны, как распоротая глоссером вода,... – разбегались кони и люди /... пикегæнæг хæдтæхæджытæ-у... æхсын нæ урæдтой...сосæ фæндагæй-у фæйнæрдæм, глоссер дон куыд*

фæлыг кæны æмæ дон фæйнæрдæм куыд фæлидзы (букв.: «как обычно убегает в обе стороны вода, когда ее обычно разрезает глссер». – А.Л.), *афтæ-уу æфсæддонтæ æмæ бахтæ згъордтой*. Осетинские глаголы «*фæлыг кæны/разрезает (обычно, кратко)*» и «*фæлидзы/убегает (обычно, кратко)*» – глаголы настоящего неактуального абстрактного в значении обычности, типичности, временной неопределенности повторений, характерной для этого типа употребления настоящего времени, но при этом ко всей части фразы с данными глаголами отнесена частица *-уу* как показатель политемпоральной кратности этой ситуации с двумя пропозициями «*глссер разрезает воду/ глссер фæлыг кæны дон*» и «*вода убегает/дон фæлидзы*». Поскольку ситуация «*...бойцы и кони разбегались по обе стороны от шоссе/...сосæ фæндагæй-уу фæйнæрдæм... æфсæддонтæ æмæ бахтæ згъордтой*» повторялась неоднократно в разные промежутки времени, что обозначено по-русски КСК с придаточными времени и итеративами в НСВ, а по-осетински – граммемой политемпоральной кратности (конструкцией с *-уу*), то и сравниваемая с этой ситуацией образная картина «распоротой глссером воды» помечается грамматическим значением политемпоральности. Очевидно, что обозначение политемпоральности «действий глссера и убегавшей распоротой воды» с помощью специальной граммемы избыточно: во-первых, общий аспектуально-темпоральный план всего высказывания дан в политемпоральном «оформлении», во-вторых, сами глаголы, называющие эти действия (*фæлыг кæны, фæлидзы*), выступают в неограниченно-кратном значении настоящего неактуального абстрактного, имеющего значение неопределенного ряда повторений. Тем не менее, поскольку в семантической стороне грамматического строя осетинского языка закрепился такой взгляд на действие, когда важно обозначать его моно- или политемпоральность, то в случаях, подобных вышеприведенному, значение политемпоральности действий не может остаться грамматически не выраженным (при том, что в русском варианте этот «кусочек» смысла вообще отсутствует!). «Если в языке какое-то семантическое различие оформилось в грамматическую категорию, язык в сфере действия этой категории уже не может оставлять данное различие не выраженным» [Якобсон, 1985, с. 233].

Заключение

Сопоставительное исследование осетинских глаголов в форме настоящего времени и их русских функционально-переводных соответствий обнаруживает сходство в выражении значений настоящего неактуального абстрактного, в изобразительной и комментирующей разновидностях, а также позволяет установить, что русскому типу употребления настоящего неактуального абстрактного соответствуют приставочные глаголы *фæ-*, что объясняется определенными факторами. Во-первых, приставка *фæ-* свободна (в отличие от других осетинских превербов) от пространственно-ориентационных значений, и это обеспечивает ее неограниченную словообразовательную валентность; во-вторых, с этой приставкой в сознании носителей осетинского языка ассоциирована идея кратного

характера действия. Оба эти фактора обеспечивают востребованность форм с *фæ*- при обозначении обычных, типичных действий с неопределенной временной отнесенностью их повторяемости. В осетинском языке значения хабитуальности и узуальности являются видо-временными, так как выражаются только формами настоящего времени, тогда как в русском это видовые формы, поскольку выступают в указанных значениях и в формах прошедшего времени. Еще одним отличием является и то, что в осетинском данные значения выражаются собственно глагольной формой, а в русском – контекстом или детерминантами соответствующей семантики. Кроме того, политемпоральность действий со значениями хабитуальности и узуальности выражается в осетинском языке специальной граммемой кратности, в отличие от русского, где повторяемость таких действий в разные временные промежутки обозначается контекстуально, лексически, синтаксически.

Приведенные и другие факты расхождений между русским и осетинским языками в обозначении особенностей протекания действия свидетельствуют о различиях в степени обязательности и частотности выражения категориальных смыслов и подтверждают, что языковая модель мира определяется специфическими для сопоставляемых языков ракурсами видения одного и того же явления объективной действительности, разными способами представления этого явления, причем в современном русском языке ограничения на возможности представления разных характеристик протекания действия в рамках одной и той же лексемы более очевидны, чем в современном осетинском [Левитская, 2021а, с. 53-64].

Примечания

¹ Единственный в осетинском языке случай лексического разграничения единичности и многократности: *уын/быть – вайын/бывать, оказываться*.

² Словари современного осетинского языка: Осетинско-русский словарь, 1962, с.392; Осетинско-русский словарь в 4-х т., т.4, 2019, с.216 указывают на многократность как одно из значений приставки *фæ*-.

³ *фæ*- – вариант приставки *фæ*- (при стяжении гласного приставки *æ*- и начального гласного корня –*æ*).

⁴ В русском языке эти значения «...являются значениями несов. вида, а не настоящего времени, так как они могут реализоваться также и в прошедшем времени» [Зализняк, Шмелев, 2000, с. 29].

⁵ Пример заимствован: там же. С. 25.

⁶ Пример заимствован: Храковский, 2014, с. 10.

⁷ В словарях (например, Осетинско-русский словарь: в 4-х т. Т. 3. С. 501) зафиксировано редко употребляемое прилагательное *растравгон/простой*, обычный, обыкновенный, наречие от него в словарях не зафиксировано.

Список источников

- Абаев В.И.* Грамматический очерк осетинского языка // Осетино-русский словарь. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1962. С. 491–662.
Бенвенист Э. Очерки по осетинскому языку. М.: Наука, 1965. 168 с.
Бондарко А.В. Употребление видов. Категория времени // Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. I. С. 604–613; 626–636.

Грекова О.К. Виды значений повторяемости и средства их выражения // Вестн. Московского ун-та. Серия 9. Филология. 1979. № 2. С. 37–48.

Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. 226 с.

Кюльмоя И.П. Структура и функционирование кратнo-соотносительных конструкций в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985. 19 с.

Левитская А.А. Особенности видения аспектуальных характеристик кратнo-повторяющегося действия в осетинской языковой картине мира в сравнении с русским языком // Вестн. Московского ун-та. Серия 9. Филология. 2021а. № 3. С. 54–63.

Левитская А.А. Семантические типы неоднократности в современном осетинском языке: дистрибутивная неоднократность (в сопоставлении с русским языком) // Филология и культура. Philology and Culture. 2021б. № 4. С. 78–83.

Левитская А.А. Виды значений монотемпоральной и политемпоральной повторяемости в современном осетинском языке и способы их выражения (в сопоставлении с русским языком) // Изв. ЮФУ. Филол. науки. 2021в. № 4. С. 10–20.

Осетинско-русский словарь Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство. (1962). 662 с.

Осетинско-русский словарь: в 4 т. Т. 3. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2018. 720 с.

Осетинско-русский словарь: в 4 т. Т. 4. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2019. 749 с.

Фадеев А.А. Ёрыгон гварди. Дзæуджыхъæу: Цæгат Ирыстон чингуыты рауагъдад. 1953. 839 с.

Фадеев А.А. Собр. соч.: в 7 т. Т. 3: Молодая гвардия. М.: Худ. литература 1970. 678 с.

Храковский В.С. Есть ли у несовершенного вида в русском языке повторительное (неограниченно-кратное) многократное/итеративное/ узуальное/ хабитуальное значение? // Вопросы языкознания. 2014. № 4. С. 3–12.

Храковский В.С. Кратность // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М.: URSS. 2017. С. 124–125.

Цалиева А.А. (Левитская А.А.) Аспектуальность в осетинском языке, ее генетические и ареальные связи. дис.... канд. филол. наук. Л., 1983. 276 с.

Якобсон Р.О. Взгляды Боаса на грамматическое значение // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 231–238.

References

Abaev V.I. (1962). A grammatical sketch of the Ossetian language. *Ossetian-Russian dictionary*. Ordzhonikidze, North Ossetian book publishing house, pp 491-662. (In Russian).

Benveniste E. (1965). *Essays on the Ossetian language*. Moscow, 168 p. (In Russian).

Bondarko A.V. (1980). The use of species. Category of time. *Russian grammar. Science*, vol. I, pp. 604-613; 626-636. (In Russian).

Fadeev A.A. (1953). *Ёрыгон guard*. Dзæуджыхъæу: Tsægat Iristony chinguyty rauag'dad. 839 p. (In Ossetian).

Fadeev A.A. (1970). *Collected works: in 7 volumes. Vol. 3: Young Guard*. Moscow, Khud. literatura [Fiction]. 678 p. (In Russian).

Grekova O.K. (1979). Types of repeatability values and means of their expression. *Bulletin of Moscow University*, Seriya. 9. Philology, no. 2, pp. 37-48. (In Russian).

Jacobson R.O. (1985). Boas's views on grammatical meaning. *Selected works*. Moscow, Progress, pp. 231-238. (In Russian).

Khrakovsky V.S. (2014). Does the imperfect species in the Russian language have a repetitive (non-ranged-multiple) multiple/iterative/usual/habitual meaning? *Questions of linguistics*, no. 4, pp. 3-12. (In Russian).

Khrakovsky V.S. (2017). Multiplicity. *Theory of functional grammar: Introduction. Aspectuality. Temporary localization. Taxis*. Moscow, URSS, pp. 124-125. (In Russian).

Kulmoya I.P. (1985). *The structure and functioning of multiply-correlative structures in modern Russian*: Thesis abstract. Leningrad. 19 p. (In Russian).

Levitskaya A.A. (2004). Aspectuality in the Ossetian language: genetic prerequisites, areal connections, typological similarity. *Problems of linguistics*, no. 17, pp. 29-41. (In Russian).

Levitskaya A.A. (2021a). Features of the vision of the aspectual characteristics of a multiply repeating action in the Ossetian language picture of the world in comparison with the Russian language. *Bulletin of Moscow University*. Seriya 9. Philology, no. 3, pp. 54-63. (In Russian).

Levitskaya A.A. (2021b). Semantic types of repetition in the modern Ossetian language: distributive repetition (in comparison with the Russian language). *Philology and culture*. *Philology and Culture*, no. 4, pp. 78-83. (In Russian).

Levitskaya A.A. (2021c). Types of meanings of monotemporal and polytemporal repetition in the modern Ossetian language and ways of expressing them (in comparison with the Russian language). *Proceedings SFU*. Philological sciences, no. 4, pp. 10-20. (In Russian).

Ossetian-Russian dictionary (1962). Ordzhonikidze, North Ossetian Book Publishing House. 662 p. (In Ossetian. In Russian).

Ossetian-Russian dictionary. (2018). In 4 volumes. Vol. 3. Vladikavkaz, SOIGSI VSC RAS, 2018. 720 p. (In Ossetian. In Russian).

Ossetian-Russian dictionary. (2019). In 4 volumes. Vol. 4. Vladikavkaz, SOIGSI VSC RAS, 2019. 749 p. (In Ossetian. In Russian).

Zaliznyak A.A., Shmelev A.D. (2000). *Introduction to Russian Aspectology*. Moscow, Languages of Russian culture. 226 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Левитская Алина Афакоевна – канд. филол. наук, доцент, руководитель отдела культурного наследия, 54alinallevitskaya@gmail.com

Information about the author

Alina A. Levitskaya – Ph.D. of Philology, associate professor. Head of cultural heritage department, 54alinallevitskaya@gmail.com

Статья поступила в редакцию 19.12.2021 одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted 19.12.2021; approved after reviewing 15.04.2022; accepted for publication 15.04.2022.